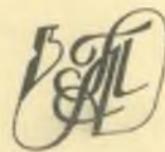

K 1512592

Amorphaq

Балогодская областная универсальная
научная библиотека им. И. В. Бабушкина

Малоземо-
ва Ю.П.

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

13

k 1312992

Вологда
2001

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	3
А. Пошехонов, Н. Бушенев и др.	3
В МИРЕ РУБЦОВА	11
В. Гусев	11
Письмо Таи	14
Т. Егорова	14
Кто автор?	16
В. Астафьев	17
ИЗБРАННОЕ	18
В. Хлебов	18
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	20
Ю. Карабчиевский	21
А. Дубинин	22
В. Белков	24
КОРОТКАЯ ПРОЗА	24
В. Плотников	25
В. Белков	26
Н. Усанов	29
Н. Хохряков	30
Д. Махин	32
АВТОГРАФ	34
А. Романов	34
ГРАФИКА	36
Д. Медведев	36

Стихи последних лет

Юрий МАКСИН

Погляди, как цветы увядают.
Но красуются гроздья рябин!
Паутинки на лицах не тают,
превращаясь в тропинки
морщин.

Я люблю эти русские лица,
отразившие горечь утрат.
В небесах их тоска отразится,
в голосах, что по небу летят...

Нам немного осталось
запомнить,
в сердце высветлив древнюю
грусть.
Ах, какие красивы кони
уносили в отчаянный путь!

Перед самой жестокой преградой
не сломались, не сбили бег.
Жжёт мороз среди зимнего сада.
Тает воск. И закончился... век.

На ветках вороны кричат,
слетелись, словно перед пиром.
Наверно, в чём-то виноват
я - перед всем крещёным миром.

Я выхожу в рассветный сад.
Туман в окно души струится.
Бесшумно ангелы летят,
и среди них — родные лица.

«Отец, отец, вот я — твой сын.
Тебя с тоскою вспоминаю»...
Как тяжело, когда один,
и ангелы не прилетают.

Сергей ВАКОМИН

ВОЛОГДА

Снова сердце взволнованно
бьется,
радость встречи ничем не унять;
в поднебесье ракстою рвется
колокольня, что глаз не отнять.
Сколько добрых улыбок

навстречу,
разве в памяти все сохранишь!
Вот и адрес знакомый Заречья,
переулков отрадная тиши...

Я люблю приезжать к тебе,
город,
видеть улиц неброский наряд
— ты, старинный, душою так
молод,
что невольно светлеет мой
взгляд,

Это Севера яркие краски
нам стареть до весны не дают
и врачают — то песней,
то сказкой,
что извечно в народе живут.
Кустари, кружевницы,
торговцы
с давних пор населяют тебя...
И мне кажется: в каждом оконце
отразилась России судьба.

Я уеду, чтоб снова вернуться
слушать северный твой говорок,
и всем сердцем тебе улыбнуться,
мой родной, дорогой городок.
... Деревянных домов узорочье
и причудливость белых церквей
это лики земли моей отчей
среди русских былинных полей.

Вячеслав БЕЛКОВ

ВАРИАНТ

Легче жить, когда немного
выпьешь
И пойдешь по городу пешком.
Голубям чего-нибудь
насыпешь,
Девушку порадуешь стишком.
А когда пройдут по переулку
Вера, и надежда, и любовь,
Я закончу пешую прогулку.
Остается только рифма-кровь.

Андрей ШИРОГЛАЗОВ

A. Пошехонову

Никого, ничего, только ветер
и пыль,
только громко скрипит
деревянный костыль,
только пот по щекам, только
дрожь по рукам
и неровной волной седина
по вискам.

Никого, ничего, только
призрачный путь
по дороге, где не с кем друзей
помянуть.
Потому что друзья растворились
вдали
и ушли по пыли далеко от Земли.

Я бы тоже ушел, да не вышел мой
срок
досчитать до конца километры
дорог.

Очарованный странник,
дошедший до звезд,
все никак не найдет себе тихий
погост.

Ни креста, ни листа, что накроет
уста
— лишь гнилые пролеты
большого моста.
Мне еще предстоит разминуться
с трудом

на мосту не с Хароном,
а с Вечным Жидом.

Мы друг другу в глаза поглядим
в сотый раз,
совершим на мосту

мусульманский намаз,
потому что давно в этих
пыльных краях
Иегова с Иисусом зовутся
Аллах.

И опять разойдемся по нашим
путям,
не давая покоя усталым
костям —
два печальных изгоя заоблачных
сфер:
очарованный странник и жид
Агасфер.

И опять никого — только серая
пыль,
только громко скрипит
деревянный костыль,
только пот на щеках, только
ветер в руках
и ехидный божественный смех
в облаках.

Я теряюсь навечно в дорожной
пыли
— очарованный странник
российской земли.
И скрипит мой костыль,
и крепчает печаль.
И не так уж она очарована —
 даль...

Татьяна ЛАВТАКОВА

* * *

Какой сегодня день случился!
В таком давно мы не бывали.
Мы говорили о любви
И Маяковского читали.
Ты был не сумрачен, но тих,
Не убегал от нас в романы,
Легко, правдиво лился стих,
И сердца рубцевались раны.
Благодарю за то, что в светлый
день,
Кружатся рифмы голубем
ручным,
Благодарю за ласку и тепло,
За то, что можешь быть
Таким родным!

Светлана ТЮЗЕВА

* * *

Милый, давай поиграем с тобой:
Я гейшей японской буду,
Я нарисую лицо луной,
Ты будешь мудр, как Будда.
Чтобы огонь любви не поник,
Я покажу тебе хитрые позы,
Я выучу этот птичий язык,
А глаза мои и так раскосы.

Нажимать буду тайные точки,
Продлевая оргазм
 экзотический,
Умашёнными мицтой
 сосочками
Буду делать массаж
 эротический.
Заварю и коренья и травы,
Чтоб отпойти поутру
Тебя от этой любовной
 отравы.
А сама я и так не умру.

Валентин ШАГИНОВ

ХИРОМАНТИЯ

Твоя судьба — в твоей ладони:
я вижу в знаках ворожбы,
как мчатся бешеные кони
твоей причудливой судьбы.

В сплетеньях линий,
 в их разрывах
я вижу будущего след,
в пересеченьях прихотливых
ищу и нахожу ответ.

Твоя судьба — в твоей ладони!
Вложи её в мою ладонь,
и пусть помчатся вместе кони
сквозь трубы медные
и воду,
и огонь!

Владимир ЗЛАТОУСТОВ

НАСЛЕДСТВО

Что смог узнать я об отце?
Увы, немного:
Что вырос в маленьком сельце
Вблизи Мологи
(Свою избу в селеньи том
Я не построю. —
Теперь на много вёрст кругом
Там дно морское).
Что он нешлюхо рисовал.
Свой край лосиный
Отец всегда изображал
Под небом синим.
Что обаянье русских сёл
Любил безмерно.
Что на войну, как все, упёл
В год сорок первый.
Что он не смог сквозь ту войну
Пробиться к сыну...
Я для моих детей храню
Его картину.

Николай БУШЕНЕВ

* * *

Холостяк беззаботный,
Я кому-то смешон.
Красотой мимолётной
Я бываю сражён.

То шальным водопадом
Чьих-то бойких речей,
То улыбкой, то ядом
Приворотных очей.

И о чём-то тревожусь...
Ни одну не люблю.
Но из множества множеств
Образ милой леплю.

Век — не сахар! — мой тает,
Ну а где-то она
Обо мне лишь мечтает —
Все одна и грустна.

Людмила ХАДЖИ

* * *

Трепет рук... Прикосновенье...
Робкий, нежный взгляд...
Незабвенные мгновенья
Не вернуть назад.

С кем ты? Где ты? Не печалься!
Счастье — дорожить
Тем, что нам в том школьном
вальсе
Довелось кружить.

* * *

С каждой новой встречей
ожидаю,

Что в любви признаешься
мне сам.
Как люблю тебя и как страдаю,
По моим не видно ли глазам?

И не знаешь ты, что мне
ночами
Не уснуть. Не разревусь едва.
Губы мои шепчут тебе сами
Нежные и грешные слова.

Николай ХОХРЯКОВ

* * *

Гнилой аквариум небес.
Луна, как гнойная болячка,
То скромно прячется за лес,
То дышит белою горячкой.
И сны прописаны в аду,
Из них выныриваешь чёртом.
Ветра играют в чехарду
С пустой коробкой из-под торта.
Вот это истинный сентябрь:
Седой, затравленный,
больничный,
Чумной заржавленный
корабль,
«Титаник» мой, сугубо
личный.
Тону! Ах, ёлочки, тону!
Ко дну, захлёбываясь властью,
Влекут несчастную страну...
А небо полнится ненастьем.

* * *

Ты живёшь на седьмом этаже,
А хотелось бы чуточку выше,
Чтобы слышать, как мелким
драже

Рассыпаются ливни по крыше,
Чтоб с утра, оглядев горизонт,
Подивясь серебру и финифти,
Прихватив разлохмаченный

зонт,
Долго ехать на сломанном
лифте.

А потом, прикрываясь зонтом,
Как индийский мудрец,
улыбаться.

От такой красоты за окном
Даже лифт в состоянья
сломаться!

Людмила ГУГОЛЕВА

МАЛЫШ И БАБОЧКА

В огромных лопухах сидел
малыш
И наблюдал, как бабочка
порхала,
Теряя золотистую пыльцу.
Он храбрым был, упитанный
крепыш,
Но бабочка немножко испугала,
Когда легко скользнула
по лицу.

Малыш сопел и думал:

«Почему

За мною целый час она лает
И даже в лопухах спасенья
нет?»

А бабочке малыш был
ни к чему,
Её варенья запах привлекает,
Которым он измазался
в обед...

Александр ПОШЕХОНОВ

ДУМЫ

Чем меньше дум, тем легче
голове,
Чем больше дум, тем сердцу
тяжелее.
А хочется дышать и жить
смелее,
И падать ниц, запутавшись
в траве.

С горы повозку с думами
спущу:
Лети к чертям, несносная
поклажа!
Я без тебя свои дела уложу
Покаюсь, полюблю и всех
прощу...

2.04.2000 г.

Михаил СОПИН

Наспех будет выпластана яма.
Без оркестра и без партречей
Я сойду к тебе под землю,
Мама,
Навсегда уйдя от палачей...
Потому не пой, кукушка-птица,
Не считай безумные года.
Если б Бог
Судил мне возвратиться
В мир —
Я б не вернулся. Никогда.

Валерий ТУМАЕВ

СКАЗКА О ЛЮБВИ...

Раскопки в Вологде
Балет в Москве,
Театр в Санкт-Петербурге.
И снова поезд, за окном огни.
Ночь. Чай. Разговоры
О Вере и Надежде.
И сказки о любви.
Друзья в Твери, река, плоты
Тяжелый переход.
Четвертый день, как Божий бич,
Нас мелкий дождь сечет
Уныло. Муторно. Тоскливо.

Но мы должны дойти,
У нас есть Вера, твердь Надежды
И сказки о любви.

Монашний скит,
Чекшинский крест,

Кижи и Соловки.

Огромное число дорог
Осталось позади.

Увяли чувства, волос сед
И дети подросли.
Настало время осознать
Свой Символ Веры,
Твердь Надежды,
И даже сказки о любви.

г. Сокол

Галина КОНСТАНСКАЯ

Дни словно ночи.
Чёрная масть.
Чёрные мысли.
Что за напасть?

Хмурое небо.
Но среди туч
Вспыхнул нежданно
Солнечный луч.

Искрой надежды
Высветлил грусть.
Я ожидаю.
Я не согнусь!

Юрий ЛОПУСОВ

ЭПИГРАММЫ

*Советскому поэту
Андрею Дементьеву,
уехавшему
в Израиль*

Он громче всех хвалил Советы,
Он комсомольский был вожак.
Да, есть продажные поэты,
Но чтобы так, но чтобы так...

*Поэту
Роберту
Рождественскому*

Он философии глубокой
не касался.
Слегка под Маяковского косил.
При слове «Б-б-бог» ужасно
заикался,
А слово «п'артия» легко
произносил.

Поэтессе Белле Ахмадулиной

«Дыша духами и туманами,
Она садится у окна»

А. Блок

Ее поэзия — как скрипичка
Или молитва перед сном.
Она прошла сквозь жизнь
на цыпочках,
Дыша духами и... вином.

Игорь ЭПАНАЕВ

* * *

Нам пришла плохая весть —
Буревестник хочет есть.

Я имею пять коров.
Я психически здоров.
Если б смерть была большой,
Я бы съел ее с лапкой!

Из журнала «Окраина»

В мире Рубцова

Владимир ГУСЕВ,

доктор политических наук, ТГУ «Православная Тверь»

НИКОЛАЙ РУБЦОВ ГЛАЗАМИ ПОЛИТОЛОГА

На первый взгляд Рубцов — предельно аполитичный поэт. Действительно, у него не найти ни одной строчки, содержащей политическую мысль или политическую оценку в строгом понимании этих слов. Но если обратиться к его творчеству в целом, то картина меняется коренным образом.

Сегодня нет для нас более важной политической задачи, чем снова стать русским народом во всей полноте значения этого слова; найти силы преодолеть разрозненное, атомарное состояние; превратиться из легко обманываемой чисто количественной массы в солидарную силу, достойную великой истории и своей грандиозной цивилизационной роли; очнуться и вспомнить, что значит любить Россию. И в этом смысле роль Рубцова для нас переоценить невозможно. Здесь ему нет равных. Рубцов — это Россия второй половины XX века в ее наиболее ярком, ясном и концентрированном выражении. Нет педагога, способного научить понимать и ценить Россию лучше, чем Рубцов.

Именно поэтому люди, называющие Россию «этой страной», очень боятся и всеми силами замалчивают великого русского поэта. Для него нет места в наших (наших ли?) массовых СМИ. Там господствуют люди — прямо противоположные Рубцову, шарахающиеся от его высокой духовности, искренности, чистоты и кристальной ясности, жаждущие превратить народ, еще недавно воспитывавшийся на высоких образцах юмора Гоголя, Диккенса, Салтыкова-Щедрина, в стадо, послушно хохочущее над примитивными и вульгарными «шутками». Его явно или неявно не любят и в стане поэтов, начинавших писать одновременно с Рубцовым, а ныне претендующих на статус «классиков». Его забывают включить в ряд незаурядных представителей нашей культуры 60—70-х годов, интерес к которым, помимо всего прочего связан, еще и с их безвременным уходом из жизни — Шпаликов, Шукшин, Даль, Высоцкий. Между тем он ушел первым и единственным, кто ушел, потому что был убит!

Дело, видимо, в том, что все его творчество проникнуто единым, непоколебимым и цельным духовным стержнем. У него нет идеологических штаний. Ему не может быть стыдно ни за одно свое стихотворение. Слово «конъюнктура» не имсет к нему ни малейшего отношения. Такого, к сожалению, нельзя сказать даже о таких мэтрах, как Евтушенко и Вознесенский, некомпетентно пытавшихся взять на себя роль политических судей и, в результате, так и не разобравшихся до конца в своем отношении, например, к Ленину, и попавших тем самым в предельно неудобную ситуацию. Нечто подобное происходило и с Окуджавой, политическая позиция которого в последние годы жизни оказалась в кричащем противоречии с имевшим место ранее воспеванием революционной героики и романтики. Рубцов же никогда не касался политической конкретики, воспринимая историю своей Родины, по Пушкину, то есть такою, «какую ей Бог дал», и не желаю для нее другой истории (Письмо к П. Я. Чаадаеву).

Для Рубцова все в истории России — взлеты и падения, восторг и горе, созидание и разрушения имеет глубокий провиденциальный смысл. Всё это для него собственное, родное и, неотторжимое. Он органически не способен произнести ни единого ругательного слова в адрес России. Он органически не мог быть диссидентом. Для него естественно в любом случае и в любой ситуации помогать ей, терпеть и надеяться. Он умел, как никто другой, в обыденности настоящего видеть и следы тысячелетнего прошлого, и ростки неизбежного будущего, соединяя их в единую цепь Судьбы. Для него Россия — это и запущенный деревенский погост с покосившимися крестами, и вороны над поросшим травой куполом храма на фоне серого осеннего неба — грустные и одновременно величественные следы таинственного прошлого; и то, что из него — сироты с раннего детства сделало моряка и поэта — гарантия не менее великого будущего.

*Вон Есенин — на ветру!
Блок стоит чуть-чуть в тумане.
Словно лишний на пиру
Скромно Хлебников шаманит.
Неужели и они —
просто горестные тени?
И не светят им огни новых
русских деревенек.*

Как никто другой, он умел различать подлинную Россию и подделки под нее. Его отталкивали космополитические все — смесительные мегаполисы, где вместо русских появляются такие «национальности», как «москвичи» или «ленинградцы». Ему была чужда столичная «богема» с ее истеричностью, нытьем и самолюбованием. Ему

было чуждо переживание по поводу маленьких гонораров и отсутствия заграничных поездок, из-за которых грызлись его «собратья» по перу. Ему было достаточно скромных средств, обеспечивающих возможность творить, он помнил, что Пушкин никогда не покидал границ Российской Империи. Он чувствовал себя своим и был способен вдохновенно работать только там, где «горит звезда его полей», где пускают на ночлег старушки, не берущие с постояльца денег, где все еще жива его старая деревянная школа, где

*С каждой звездою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Рубцов интуитивно ощущал, что сердце России сильнее и слышнее бьется в провинции, где люди ближе к природе, проще, открытере, добре, душевнее. Здесь он искал и находил прошлое и будущее России. Он несомненно был «деревенщиком» наряду с Беловым, Распутиным, Шукшиным, но он был единственным деревенщиком-поэтом, сумевшим в самой сложной литературной форме выразить Россию целиком через образ провинции и деревни. Наверное, именно поэтому он стал по-своему уникальным поэтом ближайшего прошлого, который не имея аудитории, стадионов и площадей (не говоря уже о телевидении), не имея многотиражных изданий при жизни, не оригинальничая в стихотворчестве, тем не менее, нашел своего читателя по всей России. После его смерти мы услышали огромное количество песен на его стихи — в том числе и лучших песен нашей эстрады («В горнице моей светло», «Я буду долго гнать велосипед» и т. д.).

Признак великого поэта — его способность к пророчествам. Вспомним у Лермонтова: «Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет...»

Рубцов же однажды написал о Есенине:

*И в первый раз поник Сергей Есенин.
Как никогда, среди унылых стен...*

*Он жил тогда в предчувствии осеннем
Уж далеко не лучших перемен.*

Найти такие слова может только человек, лично переживающий такие предчувствия. А они, к сожалению, удивительно точно оправдались. Предчувствие собственной судьбы:

*Я умру в креценские морозы,
Я умру, когда трещат березы...
Предчувствие судьбы России:
Россия. Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы...*

И вот по мере того, как наш народ будет собирать в себе силы для противостояния новому «татаро-монгольскому» нашествию, Рубцов будет все более и более уверенно в сознании людей занимать объективно уже принадлежавшее ему по праву достойное место в ряду самых великих классиков русской поэзии.

А еще, нельзя по-доброму не позавидовать вологжанам. Благодаря гению Рубцова древние вологодские земли воспеты так, как не воспет ни один другой кусочек нашей планеты.

ПИСЬМО ТАИ

ПРИВЕТ ИЗ ЛЕНИНГРАДА!

*«Что-то грустно сегодня мне стало,
Сердце хочет мое зарыдать,
И чтоб сердце мое не рыдало,
Я решила письмо написать.»*

*«Нас жизнь надолго разлучила,
Но вот опять твое письмо,
Зачем его я получила,
Мне все напомнило оно.»*

Здравствуй, Коля, с большим приветом и наилучшим пожеланием в твоей жизни, а также службе, к тебе Тая.

Дорогой друг, получила от тебя уже третье письмо, а ответа никак не могу дать. И причины, собственно говоря, нет. Ну что я могу написать тебе? Жизнь у меня идет по-старому. Изменений совершенно никаких нет. Все как было, так и есть. Работаю я на старом месте. Дома тоже все постарому. В жизни у меня ничего не изменилось, все как было, так и есть. В этом ты можешь быть уверен. Я тебя никогда не забуду, где бы я ни была, и что бы со мной, ни случилось, я всегда буду с тобой.

Коля, дорогой мой, я очень рада за тебя, рада, что ты меня не забываешь. Ты не думай, что если я не пишу, то значит забыла, нет, этого никогда на не будет. Я просто не люблю писать письма. Я тебя очень прошу, пришли пожалуйста, мне фотокарточку, хотя в подарок к дню моего рождения, которое будет 1 марта. Я очень прошу тебя, как самого лучшего друга. Хорошо, Коля? Я буду ждать, очень и очень буду ждать! А если не пришлешь, тогда я рассержусь на тебя? Тебе понятно это? Вот так, Коля? /я, конечно, шучу/, а фотокарточку буду ждать.

Теперь я хочу спросить о другом. Коля, тебе посыпал Коля Беляк письмо или нет? Ты знаешь о том, что он приехал, вернее вышел из тюрьмы? Ведь он уже давно пришел, уж наверно месяцев 5 как дома. Как приехал, спрашивал у меня твой адрес. Я ему сказала, но не знаю, писал ли он тебе.

Потом спросила адрес Тамара Белова, или как ее фамилия, я не знаю /вспомнила — Кочмарева/. Она говорит, что спрашивал твой брат — Алик. Я тоже сказала.

Ну как будто новости все.

Пиши, буду ждать. До свидания, Коля!

01.02.58 г. Тая

Татьяна ЕГОРОВА

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

*Он воспел красу родного края,
отыскав заветные слова.*

*И среди садов цветущих рая
знает он, что Родина жива.*

*Молодой
приветливый, веселый,
далеко от роковой зимы,
с Божиим угодником Николой
распевает дивные псалмы.*

*Улыбаются ему святые,
и горит звезда иных полей.
Но остались песни золотые
на родной отеческой земле.*

2001 С.-Петербург

КТО АВТОР?

После смерти Рубцова в его бумагах было найдено стихотворение неизвестного автора. Предлагаем это стихотворение вниманию читателей. Может, кто-нибудь откликнется!

*За железною оградой
Ужсе вырыта могила.
И поет над ней надсадно
Ветер песнь свою уныло,
И бросает снег соленый
На лицо друзей и плечи.
Твой земной, неугомонный,
Кончен мир, потухли свечи.
И угас электропламень,
В темноте замолкла лира,
Символом на серый камень
На погост ушла от мира.
Но идет по стуже-холоду
Все так же на огонь,
Вновь по волоку из Вологды
Твой старый добрый конь.*

АЙ ДА ВИКТОР ПЕТРОВИЧ!

«Прав, конечно, был Николай Рубцов, когда говорил, что не бывает честных коммунистов, бывают только честные коммунистические дармоеды. Вон отродье это человеческое, доведя страну нашу до ручки, засело по углам, поджавши хвост, как бродячие псы... и всё сделали, чтобы сорвать перестройку в стране, снова заморочили наш всепослушный народишко...»

В. Астафьев, «Новый мир», № 2. 2000 г.

Рукопись сказки Виктора Астафьева «Про находчивого вологодского мужика...» была подарена автором работнику Вологодского обкома КПСС — «самому близкому и дорогому в г. Вологде человеку Василию Тимофеевичу с поклоном...» /Невзорову В.Т./ В. Филиппов.

«Русский Север» и «Известия», январь 1998 г.

Надпись на книге «Звезда полей»:

«Михаил Андреевич! С чувством светлой радости и благодарности всегда буду вспоминать Вас, Ваших земляков и Ваши сказочно отрадные Никольские места. 15.08.69 г. Н. Рубцов

P.S .Лучшая партия в мире — коммунистическая партия. Прожить век настоящим коммунистом /понятие сложное/ значит прожить прекрасную жизнь. Храни Вас бог!»

M. Субботин, газета «Наши голоса», январь 97 г.

«Астафьев — обкомовский прихвостень.»

Н. Рубцов.

Вячеслав ХЛЕБОВ

ВЛАСТЬ ПЕТУХА

Год Обезьяны отзвучал.
От радости в разгаре пира
Петух восторженно кричал:
— Я властелин!
Владыка мира!
Теперь я многих проучу
И покажу себя на деле!
Таких законов накручу,
Каких не видели доселе!
А на другом конце стола
Свинья, смеясь, шепнула Догу:
— Не знаю, как пойдут дела,
А крику будет очень много.

ЖАДНОСТЬ

В лесную глупь от хат родных
Ушли на промысел два друга.
Различий много было в них:
Один — добряк, второй —
жадюга.

Умело брали дичь на мушку.
А как-то извлекли на свет,
Копая яму под ловушку,
Бочонок золотых монет.
Разбогатели оба вмиг,
Но жадному казалось мало.
Глубокой ночью план возник.
Он приподнялся. Все дремало.
Вокруг огня плясали тени,

Жадюгу пробирала дрожь.
Так длилось несколько
мгновений,
Затем сверкнул зловеще нож.
И сразу же путем преступным
Удвоил тяжесть рюкзака.
Путь оказался очень трудным,
А ноша явно велика.
От тяжести гудели ноги,
Под ними исчезала твердь,
И с ценным грузом на дороге
Его остановила смерть.

У жадности кровавый след.
Страиней ее порока нет.

ПЛАТА ЗА ГРЕХИ

Всяк испытает гнев Творца,
Кто любит жульничать и красть.

Сын посадил в тюрьму отца,
Чем заслужил почет и власть.
Был чужд к Господнему обету,
И все ж признанье возымел.
Отец от горя канул в Лету,
А сын-подлец разбогател.
Допшел до цели, что наметил,
Нечестно шел, другим во вред,
Но годы шли, мужали дети,
Пришлось за все держать ответ.
Он повлиял на их умы,
Те по-отцовски мыслить стали.
Подлец не испытал тюрьмы,
Но сыновья туда попали.

РАЦПРЕДЛОЖЕНИЕ

Для ловли птиц Хорь изобрел
Оригинальный новый метод.
К рацпредложению дело вел,
Решив прославиться при этом.
И сделал он такой расчет,
Живя в предчувствии почета:
Чтоб дать рацпредложению ход,
Никак не обойти Енота.
И так как тот главное был,
Хорь поделился с ним секретом.
Енот новинку расхвалил,
Но медлил автору с ответом.
Тянул и намекал тому
Упорно, вежливо и нудно,
Что здесь успеха одному
Добиться будет очень трудно.
Хорь — спорить, а Енот:
— Не спорь!
С Лисой иметь придется дело!..
И в тот же день Енот и Хорь
Лисе доверились всецело.
Та, уловив мгновенно суть,
Увида в деле много толка,
Промолвила:
— Нельзя тянуть!
Но нужно одобренье Волка.
А Волку дал Медведь разгон:
Им псы подпортили охоту.
Тебя, Хорек, не примет он.
И, щурясь, молвила Еноту:
— Ты, братец, тоже не дорос,
Чтобы вести беседу с Волком.
Лишь я одна такой вопрос
Могу решить легко и с толком
На это мне права даны,
А коль пекусь о вашем счастье,

То вы меня за то должны...
И Хорь, подумав, дал согласье.

Так в список авторский вошли
Все звери, ставившие визу.
И дело вот к чему свели:
Хорь в списке первым был,
Но — снизу.

ТЯЖБА

Межу делили Клим и Фрол.
Меж ними разгорелся спор.
И всяк кричал:
— Моя межа!
В итоге началась вражда.
Они схватили автоматы,

А надо было брагъ лопаты.

ОБЫВАТЕЛЬ И ДЕМОКРАТ

Большой детина средних лет
Ругался неприятно.
Сравнявшись с ним, интеллигент
Промолвил деликатно:
— Вы очень злы.
— Из-за чего?
И что лежит в основе?
Заметил я... Но тот его
Прервал на полуслове.
— Здесь бродите не вы один!
Я тоже вас заметил!
Вы кто? Товарищ? Господин?
И тот ему ответил:
— Я демократ. Мы вам нужны.
У нас теперь учитесь.
Я вижу - вы возбуждены

И на кого-то злитесь.
— Конечно, злюсь!
На что — скажу:
Приехал родич близкий!
И я четвертый день хожу
За справкой для прописки!
— Весьма сочувствую, браток,
Полно еще рогаток.
Не надо злиться, дайте срок —
Мы наведем порядок.
Искоренить, убрать таких ~
Во власти демократов.
Мы скоро будем жить без них,
Без этих бюрократов.
И сделаем страну иной,
Хотя и будет сложно...
Детина рубанул рукой:
— Да это невозможно!
Бюрократизм на этот счет
Имеет опыт горький.
Кто как, а он перенесет
Любые перестройки!

Мораль: живучий организм
Сумел вскормить социализм.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Так было надобно судьбе:
Он пригласил ее к себе.
Спросил красотку за столом,
Что думает она о нем?
Та не спеша конфетку съела
И молвила, почти пропела:
— Вы выглядите, как орел.
На что хозяин весь расцвел.
— Когда-то я немало мог!
Теперь богат, но одинок.
А жил, как сильные мужи.

В ответ услышал:
— Не тужи.
Я понимаю, вижу, друг,
Здесь не хватает женских рук.
Нельзя так выглядеть жилищу.
Повсемени чуть-чуть — почишу.

И так почистила квартиру, —
Хоть плачь или иди по миру.

КРИТИКА МЕДВЕДЯ

Медведь был избран вожаком,
Он славился отменной силой.
Повел зверей своим путем.
Что многих хищников взбесило.
Тигр экстренно созвал совет,
Чтоб осудить владыку леса.
Все заявили:
— Спору нет.
Медведь не мыслит ни бельмеса.
Их выводы усилил Тигр:
— Вы говорите очень верно.
Я не поклонник грязных игр,
Но косолапый правит скверно.
И говорю, как мудрый муж.
Он никудышен в этом деле.
Что обещает — это чушь!
И нервы многих на пределе.
А коль вглядеться в жизнь его —
Загулы в ней имеют место.
Похоже, он всегда того...
И вызвал смех понятным
жестом.

И так и сяк его хулил,
Но время сделало поправку.
Медведь остался, кем и был,
А критики ушли в отставку.

Критика и библиография

Юрий КАРАБЧИЕВСКИЙ

ИЗ КНИГИ «ВОСКРЕСЕНИЕ МАЯКОВСКОГО»

«Маяковский личностью не был... Пустота, сгущенная до размеров души, до плотности личности — вот Маяковский.» «У него была удивительная способность к ненависти.»

«...Чудесное воскресение Маяковского уже имело место в советской реальности... Произошло это, разумеется, в виде фарса и сразу в трех ипостасях. Три поэта: Евтушенко, Вознесенский, Рождественский. Каждый из них явился пародией на какие-то, стороны его поэтической личности. Рождественский — это внешние данные, рост и голос, укрупненные черты лица, рубленые строчки стихов. Но при этом в глазах и в словах — туман, а в стихах — халтура... Вознесенский — шумы и эффекты, комфорт и техникс, и игрушечная, заводная радость, и такая же злость. Евтушенко — самый живой и одаренный, несущий всю главную тяжесть автопародии, но зато и всё, что было человеческого...» «...Они заимствовали одну важнейшую способность: с такой отчаянной смелостью орать верноподданнические клятвы, как будто за них — сейчас на эшафот, а не завтра в кассу...»

В поздних стихах — «Цветаева, не столько выражаясь себя через слово, сколько слово насилиющая, терзающая, чтоб оно ее, будь оно проклято, выразило.» Результат в лучшем случае — «звуковая формула, афоризм, порой достаточно громкий и яркий, но не знающий эха и последствия.» (нет живого образа)

«Стихи Бродского, еще более, чем стихи Маяковского, лишены образного последействия, и если у М. это... побочный результат конструктивности, то у Б. — последовательный принцип. Силу Б. постоянно ощущаешь при чтении, однако читательская наша душа, жаждущая соз创чества и очищения, стремится оставаться один на один не с продиктованным, а со свободным словом, с тем образом, который это слово вызвало. И мы вновь и вновь перечитываем стих, пытаясь вызвать этот образ к жизни, и кажется, каждый раз вызываем, и все-таки каждый раз остаемся ни с чем. Нас обманывает исходно заданный уровень, который есть уровень разговора — но не уровень чувства и ощущения.» «Приходилось ли вам обращать внимание, как

тяжело запоминаются эти стихи? Мало кто знает Бродского наизусть... Это оттого, что внутренняя логика образа почти всюду подменяется внешней логикой синтаксиса.» «Эпоха Маяковского лишь декларировала отказ от высоких и сильных чувств, новая эпоха его осуществила. Сегодня...глубина подмены достигла предела. Не только положительные моральные ценности, но как бы и сама реальность жизни становится неким фантомом. Из всех жанров остается один только жанр: пародия. ...всякое подлинное чувство взято в кавычки». «Неуклонный процесс рационализации, отчуждения мастерства от души художника происходит сегодня в новейшей русской поэзии.» (В. Б.: не совсем русской) Москва, 1980—1983.

Александр ДУБИНИН

ЧИТАЯ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

«В соседнем доме окна жолты. По вечерам — по вечерам Скрипят задумчивые болты, Подходят люди к воротам...Они войдут и разбредутся, Навалят на спины кули. И в жолtyх окнах засмеются Что этих нищих провели!». Третий год прошлого века. Батеньке моему тогда было два года, а через десяток лет он батрачил у булошника в Архангельске. Три революции. Две войны (одна мировая). Начало века. До чего же скрипуче колесо нашей русской истории! Ничего мы не поняли, никаких выводов не сделали. Блок любит отточья. Он никак не может закрыть тему. «Униженис» —

*В черных сучьях дерев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком.)
Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...
Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука подлеца нажимала
Эту грязную кнопку звонка...
Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...*

*Разве дом этот — дом в самом деле?
Разве так суждено меж людьми?
Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?
Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве это мы звали любовью?)
Преломилось безумной чертой...
В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно) кровать...*

Все отточья Блока. Как в кино. Поэт трижды показывает картинку заката. Это не случайные повторения, как все не случайно у Блока! Самые таинственные строки этого стихотворенья:

*«Этих голых рисунков журнала.
Не людская касалась рука...»*

Блок намеренно искажает — голых рисунков не бывает, а не людская рука? Рука палеоантропа или суггестора, а проще говоря, нелюдя? Ведь они исказили главное в людях — любовь. Дом перестал быть домом, стал приютом, чуть позже бараком, коммуналкой, «Разве так суждено меж людьми?» Блок сам не знает, но он чувствует. Поэтому сплошные отточья и вопросы к нам людям.

Тема «Униженных и оскорбленных» это знаковая тема в русской литературе, ее развивал и Александр Блок. Но у него она приобретает апокалиптический характер:

*«Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный...
Тропами тайными, ночными,
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над ними встанут упыри...
Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.
Над человеческим созданием.*

*Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страданьем
Трезвонят до потери сил...»*

Мотив этот сквозной у поэта, Блок попытался замкнуть эту тему в поэме «Двенадцать»:

*«Черное, черное небо.
Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...
Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...
Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.»*

Жаль, не имею текста статьям современника Александра Блока писателя Бориса Зайцева, в ней он очень аргументированно доказывает, что Блок катострофически не прав в своей последней поэме, прежде всего с христианской точки зрения. Обвинение страшное на все времена. Не посмею спорить с давно умершим писателем, но все-таки скажу, что хрустальные стогны официального Христианства не по-человечески высоки. Бедность и унижение никуда и никогда не уходило от нас, а вот возвращенное богатство их, уродливей стократ того, которое было при поэте Александре Блоке. Так нам ли малым хулиять поэта.

Вячеслав БЕЛКОВ

ПЕРВАЯ КНИГА О ГАНИНЕ

В Петербурге недавно вышла книга «Алексей Ганин — друг Сергея Есенина». Автор — Лев Карохин. Это первая книга о нашем земляке поэте Алексее Ганине (1893—1925).

Когда-то я писал о Ганине, организовывал первые Ганинские чтения на родине поэта, поэтому с большим интересом взял в руки книгу Льва Карохина. В этой небольшой книжке собраны воедино мнения и воспоминания о Ганине, опубликованные за последние годы. Получился связный рассказ о жизни и творчестве поэта, выходца из вологодской деревни.

Короткая проза

Виктор ПЛОТНИКОВ

РОЖДЕНИЕ

Вначале было то, чего не было. И казалось темью. И среди предвечности сиял малый блик. И было покойно. Ибо не было имени без слова, таившегося в безмысленности. И ничто не предвещало возмущения, не излившись из недвижности. Но вздрогнул блик, отозвался на нечто, всколыхнувшее точку, в которой находилось все.

И пробудилась мысль, но ничего еще не было. Один Дух носился над живородными водами.

Но треснул выплавок от той мысли. И полился Всевышний Свет, несший в себе мудрость. Чернота не могла пожрать его, потому что ее не было. Искрился Свет первозданной чистотой, и осталось бесвременное. И от того Света трескалась оболочка, под которой было и пульсировало жало. Раскаленное, выплавлялось наружу, истекая вместе со Светом. Отверстие растягивалось, и распахнутым зевом застыло, едва ворочая выпроставшимся обюдоострым языком. Лик еще не просматривался, но угадывался, светился семицветьем глазных впадин.

Протуберанцы яркими всipолохами взбивались из Нечто, зависшего в безмолвии, и ничто не происходило. Но вот волосьями потекла огненная плазма, развеялись вокруг Лика и ближайшие брызги затягивались водоворотом в раскрытый зев.

Качнулись зрачки, белыми струпьями осыпались. Скрутились цвета радуги, тройным кольцом зазмеились и косым крестом на языки легли.

И рухнули кольца за тьму. Вытягивая из зева время и пространство. Красноталом рассыпалось первое кольцо. Но связь между частицами не прервалась, хотя все и рассеялось. Огневой короной расплылось, лазурью окрасило. И взыграл радостью горний мир, источая созерцание и чистоту, смешанную с любовью. И мудрость раскинула свои крылья, воспарила душою окрепшая. И все это находилось во всем и ничто не находилось ни в чем. Ибо его

еще не было. А четыре стихии перетекли в пятую. И длань отразила второе кольцо от первого.

Потемнел свет рассеянный, шаром покатился. Словно клубок из фаты лазоревой троебрачное время наматывая, из единого пространства множество распыляя, и не было им конца и края. И возник хаос.

А сквозь круги эти горящей свечой проплывало огненное жало, истогая из себя круг третий, объемлющий все. И блаженны были светила, и благоденствием связывались миры, и не было им числа. Ибо его еще не было.

И когда замкнулся в незримую точку круг третий, пролилась божественная музыка сфер. Связала множество в единое, пробуждая то, что присутствовало во всем.

И взыграла Душа, приготовилась к встрече с суженым. Сбились звезды в ожидании, солнце с луной вместе вывели, синевой все подернули.

И зыбью всколебалась вселенная. Исторгla крик миров и успокоилась.

И восстало мгновенное вечное, видящее и слышащее — мера всего. И счастливо было все. Ибо все обрело смысл.

Гулом исторглось предвечное и затихло, приготовилось к подобию своему.

И слилась кривизна и прямизна, соединилось пространство и время.

И родился Человек как Бог. И Лико его было прекрасно. И все было для Человека. Ибо Человек объединял все. И все крепилось любовью. И так должно было бытьечно, потому что ничего еще не было. Оно только нарождалось в самом Человеке. И появление его было впереди.

Вячеслав БЕЛКОВ

ЧЕЛОВЕК СОЗДАН ДЛЯ...

Мой друг Гена, насмешник и болтун, любит переделывать известные фразы на свой лад. Любит поиздеваться над ними. Вот и Короленко он не пожалел.

Крылатое выражение Короленко звучит так: «Человек создан для счастья, как птица для по-

лета». А Гена изрекает: «Человек создан для счастья, как птица для полета» Правда, он в этой фразе еще слово «для» слегка переделывает, но я уж не хочу смущать великодушного читателя, который и без того устал от различных матюгов жизни.

На столе стоит рюмка водки. Ну, стоит себе и стоит, я никакого отношения к ней не имею. Или почти не имею. Пить эту рюмку я не собираюсь, по крайней мере — сейчас.

Я сижу на диване и думаю о времени. Старый писатель сказал бы: «на сером обшарпанном диване, видавшем виды». Но разве это важно — его обшарпанность (никто, его не «шарпал») да еще эти пресловутые виды! Я просто сижу на диване, не мешайте, я думаю о времени и о том, что оно делает с человеком...

Вот умер недавно один московский писатель. Достаточно смелый человек, бывший фронтовик. Отчего умер? Только от старости?

Примерно за год до смерти наш герой получил крупную премию, стал Лауреатом. Премию вручал сам Президент всего и вся. Писателю очень хотелось получить премию, но хотелось и лицо демократа сохранить. И вот, унимая легкую дрожь, писатель одной-то рукой премию берет, а другой-то рукой, пальчиком, Президенту грозит: мол, премию-то я беру, но политики Вашей не одобряю! Вот я какой принципиальный и смелый.

Можно только гадать, какие пережива гельные чувства обуяли писателя дома, после всего случившегося... Но время шло, все успокаивалось, забывалось. И вдруг, вспомнив принципиальность нашего героя, коллеги-писатели пригласили его подписать очередное грозное обращение к Президенту. Долго думал, мучился и сомневался Лаурсат — как бы палку не перегнуть, как бы и этим угодить (а то съедят) и того не обидеть.

Но все-таки писатель приехал к коллегам и обращение подписал. Подписал, вздохнул и — умер. От переживаний, наверное...

И чего это я на бедного писателя налетел! Лауреат наш — вполне еще приличный человек, таких еще поискать. Да это Гена меня против Лауреата настропалил, прямо в красках расписал, как тот поехал в своем белом «Жигуленке» подписывать, уже опаздывал и потому нервничал на каждом перекрестке...

А уж Генке есть от чего злиться. Лежит сейчас, наверное, в своей пустой квартирке на Окружном шоссе, кормит комаров. А комары там

жестокие, как крокодилы или как собаки-удавки у «новых русских», которые ходят почему-то без намордников, хотя должны ходить в намордниках, потому что намордники для того и созданы, чтобы на морды их надевать.

Летом на Окружном — комары да пыль, зимой — холодно. И круглый год — бомжи, жи-ши пишется с буквой «и». В последние годы в подъездах домов стало пахнуть, как в плохой уборной. А у Гены еще первый этаж (обманули человека — обещали второй, а дали первый), и вечерами какие-то дикие крики раздаются по всей округе. Кто-то ловит кого-то, кричит, а потом долго душит в дружеских объятиях...

Некоторое время Гена преподавал в школе литературу, и засел у него в голове этот рассказик, этот этюдик Короленко — «Огоньки» называется. О том, как плывут-плывут люди по реке, а кругом — темень беспросветная, жить неохота, и вдруг огоньки какие-то начинают мелькать. То ли поблазнило автору, то ли на самом деле где-то костерок зажгли, али лампа керосиновая в избе светит, вот еще одну зажгли, еще. Тихо на реке, пасмурно и слишком тоскливо без этих огоньков. Как тут не соблазниться... Этот коротенький рассказик Короленки имел огромный успех в России, с него-то и революция, поди, началась. Коллективное сумасшествие — не логика, а биология...

А Гена сказал мнс недавно, что жить ему надоело. После всего, что он видит и слышит по телевизору, после этой драки за власть, после Чечни, где уже трижды преданы наши солдаты, после этих художников пера, после Лебедя, которому, кстати, аналитики подсказали точную фразу о том, что россияне могут скоро потерять смысл существования.

И в самом деле — есть же какой-то предел, после которого общество уже не оправится, не загорится идеей, а будет медленно умирать в пыли сытого или голодного бесславья.

Поэт сказал: на свете счастья нет. Он был не совсем прав. Другой умный человек уточнил. Когда жена его заговорила о счастье, он ответил: «А кто тебе сказал, что мы должны быть счастливы?..» Вот и вся история вопроса.

Причем же здесь рюмка, которая стоит на столе? Ну, дорогой читатель, откуда я знаю, причем здесь рюмка! Это раньше ружье, которое в первом акте висело на стене, — в последнем акте стреляло. Теперь стреляют в жизни, а не на сцене. И Раскольников теперь ходит не с топором, а с пистолетом. И уже не раскаивается в содеянном. Он может только повторить.

Николай УСАНОВ

БУХТИНА ПРО ТО, КАК Я РАБОТАЛ НА УРАЛЕ

Кончив школу, получил я направление на один уральский завод. Поезд Ленинград-Свердловск приходит в тот город в пять вечера. Поэтому начальства в кабинетах я не застал. Но рабочие сказали мне, что главный инженер задерживается в котельной. Та в подвале. Главный инженер устроил меня на постой к старухе, а утром повёл за город. Сказал, что делают они бриллианты. Отправляют в Москву. Местных нельзя назначать курьерами: они знают, куда могут сплавить бриллианты. А у меня ни родных, ни знакомых. Если я и сбегу с бриллиантами и попытаюсь их продать, сразу же наткнусь на тайных агентов. Которых тут много натыкаю. Поэтому Главный инженер назначает меня курьером. Сейчас же он мне передаст партию бриллиантов, я с ними сяду на поезд в Москву. Привёл главный инженер меня за город к тайшому хранилищу. С виду — погреб, но изнутри бронированный; не сломать, не взорвать. Специальным кодом, известным одному лишь главному инженеру, раскрыл мощные запоры. Вынес в ящике бриллианты.

Раздался выстрел. Главный инженер упал с дыркой во лбу. Стреляли из кустов сзади меня. Бункер располагался на насыпи перед железной дорогой. Бежать прочь от убийц? Но за железной дорогой местность открыта. А перед железкой сиюющие кусты. Я развернулся, юркнул в них. Пробежал в полуметре от убийц. Те не ждали, что я кинусь сюда. Поэтому не успели меня убить. Тут же я был закрыт от них кустами. Если вас интересуют бриллианты, то они остались в руках трупа. Мне как-то не пришла в голову мысль их хватать. Через кусты я вернулся в город. Забежал к старухе за своим чемоданом. Та жила в маленьком домике из двух комнат. Мне была отведена комната слева. Вдруг в калитку входят те убийцы! Я залез под кровать — больше некуда. Но ведь увидят! Под кроватью обои отстали от стены. Я их поднял. Стена гнилая. Я ножом вырезал из стены большой кусок. Сдвинул его в сторону. Пролез через дыру в комнату старухи. Оказался под её кроватью.

Убийцы заглянули в мою комнату — меня нет. Но не ушли, а зашли к старухе. Оказывается, та тоже «увязана» в банде. Хвастались, что убили инженера и взяли бриллианты. Старуха стала требовать себе долю. Бан-

диты ей: — Тебе пора умирать, застрелили её. Ушли. Я сел на поезд и вернулся в столицу нашей Родины город-герой Вологду.

Николай ХОХРЯКОВ

ПЕГАСИК

Кто-то держит дома кошек или собак; попадаются такие приколисты, что не представляют себя без ручных крыс или змей, но, на мои взгляд, это уже чересчур. Довольно часто встречаются любители аквариумных рыбок, с которыми они готовы часами глядеть друг на друга круглыми от нежности глазами и мерно разевать рот. Те, кто не страдает аллергией на перья, могут позволить себе завести певчих птиц и, закатив глаза, наслаждаться недоступной пониманию других мелодикой довольно резких звуков. Что ж поделаешь, живое тянетесь к живому, а о вкусах не спорят.

Но для нас, поэтов, всё это уж слишком приземлено. Нам по рангу положены звери другого масштаба — чистые, высокие, смелые крылатые кони Пегасы. В отличие от домашних птиц, они ещё и умеют летать, унося хозяйское вдохновение в заоблачные выси!

Пегас — это ещё и признак принадлежности к цеху. Уж коли ты пишешь — то обязан иметь крылатого коня. Это главная тревога и забота настоящего поэта. Чем выше ты летаешь, тем более почитаем другими. Некоторые залетают так высоко, что уже не могут приземлиться без посторонней помощи, что создаёт немалые трудности для собратьев по перу. Одно время даже обсуждалась идея создания «Правил вдохновенного полёта», но она отпала сама собой, когда при попытке скоординировать расписание полётов мы подверглись осмеянию со стороны работников аэропорта.

Пегасы встречаются разные. Некоторые — снежно-белые, с огромными мощными крыльями. Другие более тёмные, крылья у них короче, они труднее набирают высоту. Бывают кони совсем небольшие, приземистые — скорее, просто пони с косматыми гривками и кривыми слабенькими ногами, но и такие являются объектом всяческой заботы хозяев. У Пегасов — тяжеловозов очень коренастые, перевитые напряжёнными жилами ноги. Такие кони много едят, ведь ноша их нелегка.

А у моего скакуна всё устроена на диво пропорционально: стройные сухие ноги, выпуклая мускулистая грудь, лёгкие золотистые крылья; но главное — весёлый воздушный нрав! Он способен совершенно без усилий, словно играючи, взлететь прямо с места и молнией устремиться в небо.

Я зову его Одуванчиком ещё и потому, что он очень любит их блестящие листья. Когда я возвращаюсь с работы, он радостно ржёт из засеклённой лоджии, где оборудовано стойло. Я захожу к нему, кормлю свежей травой и долго-долго почёсываю шею и мягкую гриву, а он доверчиво косит фиолетовым зрачком, как бы спрашивая: «Когда полетим?» Я ласково треплю ему холку и успокаиваю: «Скоро».

Это время наступает после ужина и крепкого кофе. Уходя к себе, я слышу, как жена говорит нашей дочке: «Тише, папа будет писать!», и квартира благоговейно стихает. Я выхожу покурить на лоджию, где Одуванчик уже нетерпеливо шуршит крыльями и часто перебирает копытцами. Я говорю ему: «Пора», — и открываю форточку. Одним точным движением он вспрыгивает на перекладину и, в последний раз оглянувшись, выпархивает в начинающий темнеть воздух. Каждый раз мне чудится в его прощальном взгляде немой вопрос — укор: «А как же ты?», но, тяжело вздохнув, я сажусь, скрепя сердце, за письменный стол, чтобы успеть написать перед сном пару строк четверостиший.

Одуванчик возвращается под утро, вволю накувыркавшись в небе с другими Пегасами, которые в отличие от него ещё и носят своих седоков. Я всегда оставляю форточку открытой, а утром обязательно протираю его влажную кожу махровым полотенцем. Одуванчик благодарно жмётся к моим рукам, словно пытаясь рассказать, как прекрасно было там, наверху.

Он летает всегда без меня, и причиной этому отнюдь не мой страх, хотя страх здесь присутствует тоже. Я боюсь, потому что мой великолепный крылатый скакун — очень мал ростом, всего лишь со среднего пуделя, не больше. Однажды — каюсь! — я, было, попробовал на него взгромоздиться, но услышав, как трещат под моим весом тоненькие кости, тут же отпустил, и больше уже никогда не пытался. Он, конечно, постарался бы взлететь, потому что меня любит. И, может быть, это бы ему удалось. Но моё сердце, скорее всего, не выдержало бы такой острой жалости, и он бы остался один.

Но я всегда мысленно парю вместе с ним. Жена говорит, что во сне у меня совершенно счастливое лицо, какого никогда не бывает днём, и у меня нет причин сей не верить. Я знаю, что мой Пегасик — самый белый, самый чистый и стремительный конь из всех, что летают по ночам над городом! Я горжусь им и нашей дружбой. И надеюсь, что мой полёт когда-нибудь всё равно состоится...

А недавно я заметил, что Одуванчик неравнодушен к моей пятилетней дочери, особенно после того, как она, вернувшись однажды из детского сада, целый вечер бормотала себе под нос что-то вроде: «Воробушки, Воробушки, поклевали зёрнышки...» Это значит, что в нашу жизнь вошла новая надежда. И, слушая наивный детский лепет, мы с ним понимающие переглядываемся и ждем.

г. Череповец

Д. МАХИН

ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА

Это правда, малыш, что у мальчишек горячее сердце. Даже старинные сказки говорят об этом Знаешь ли ты, как схватили принца Бахтияра, когда он скрывался от злого отчима, желавшего его смерти? Это очень старая история.

Туристан был богатой страной. Плоды туристанских садов и искусство его мастеров были известно далеко за рубежами этой маленькой горной страны. Велика была красота дочерей Туристана, как велика была отвага его сыновей. И только одно омрачало жизнь в этом райском краю. Злой Фарис преступным путем захватил власть и женился на матери Бахтияра и стал шахом, повелителем Туристана. Царевич рос, и недалек уже был день его совершеннолетия, когда он по закону должен был ступить на престол своего отца — легендарного владыки Туристана. Вот почему шах Фарис так желал его смерти.

Много бед и приключений перенес юный царевич, скрываясь от преследовавших его воинов визиря Хамада — верного иса шаха Фариса. Добрая душа и бесстрашие юного принца, его ум, сила, а также его искусство воина и наездника не раз спасали его от врагов. Но вот путь привел его, усталого и израненного, к воротам женского монастыря, в котором воспитывались юные девушки этой страны. Насто-

ятельница приняла его, омыла его раны, напоила целебным снадобьем и приказала его, уснувшего, положить в комнату, где спала тысяча девушек. Осторожная монахиня-настоятельнице приказала расчесать его волосы и нарямянить его лицо так, чтобы нельзя было отличить принца от девушки.

Прошло немного времени, как в монастырь ворвался отряд под предводительством самого Хамада, исполненного ядовитой мудрости хитроумного советника шаха Фариса. Эти люди не признавали никаких законов. В их руках были обнаженные мечи, и они жаждали крови. Тем временем Бахтияр мирно спал в девичьей кроватке и счастливо улыбался удивительным снам, которые обитали в этом чистом монастыре. Нукеры Хамада обыскивали все уголки и потайные места монастыря. Они осторожно осмотрели зал, в котором спали воспитанницы, и заглянули в лицо каждой из них. Но царевича среди них узнать было невозможно. И тогда Хамад приказал отрядить лучших наездников и дать им самых быстрых коней. Он приказал им быстро скакать и подняться высоко в горы, чтобы собрать самых свежих цветов, распускающихся у самого края горных снегов и, не жалея коней, спешно доставить их в монастырь.

Когда они вернулись, он приказал воинам положить по подснежнику у лица каждой девушки. Он сказал: «Смотрите на цветы. Та, у лица которой скорее завянет цветок, и есть принц!» Старый злодей знал, что дыхание юноши теплее и что свежий цветок скорее завянет у лица царевича. Именно так и произошло. Быстро увяло нежное растение на подушке Бахтияра, когда остальные цветы были еще свежими. И тогда враги набросились на спящего царевича, связали его и, ожидая награды, направились с ним к царскому дворцу. Вот так попал в руки злого шаха царевич Бахтияр.

Из журнала «Окраина»

Автограф

A. РОМАНОВ

83/III-94г.

Дорогой Валерий Симеон!

Спасибо за книгу "Надир Рудольф".
Я не знал, что она с автором неизвестна
в нашем кыргызстанском профсоюзе,
хотя недавно я её тут и увидел...

Простите за недоработку, с теми горожанами
интересами, никак возникает ^{не} соприко-
сновение с новым исследованием
великого Табиба Жибек и Надира Рудольфа.
То честоречие в сундечках, то зорок
в глазах, суховат в сюсе, то про-
тиударен в мыслях. И бородички в обра-
зчинах с фантазией. Вот эта фанта-
зийская дотошность и строгость, пре-
вращая от исследователя незаурядного
ума и героя, восхищают меня.
Но, в тоже время самими гениев
исследователей превратил нашего быво-
го скромного летчика! Думать, что бы ему
надобно было на этом месте умереть.

искусство Тесе, легкое, неискусство
Холла "Черновой кирпич" неизвестно.
Но письмо было бы интересным
Раньше (хотя, как и я, не
записал этого письма адреса), а если
бы адрес назывался — Барнаул, Холл
и было бы интересно, не знаю,
но по письму звучит, что это —
Художник Чарльз.

Было Теседорф!

Задумалось о Поместо

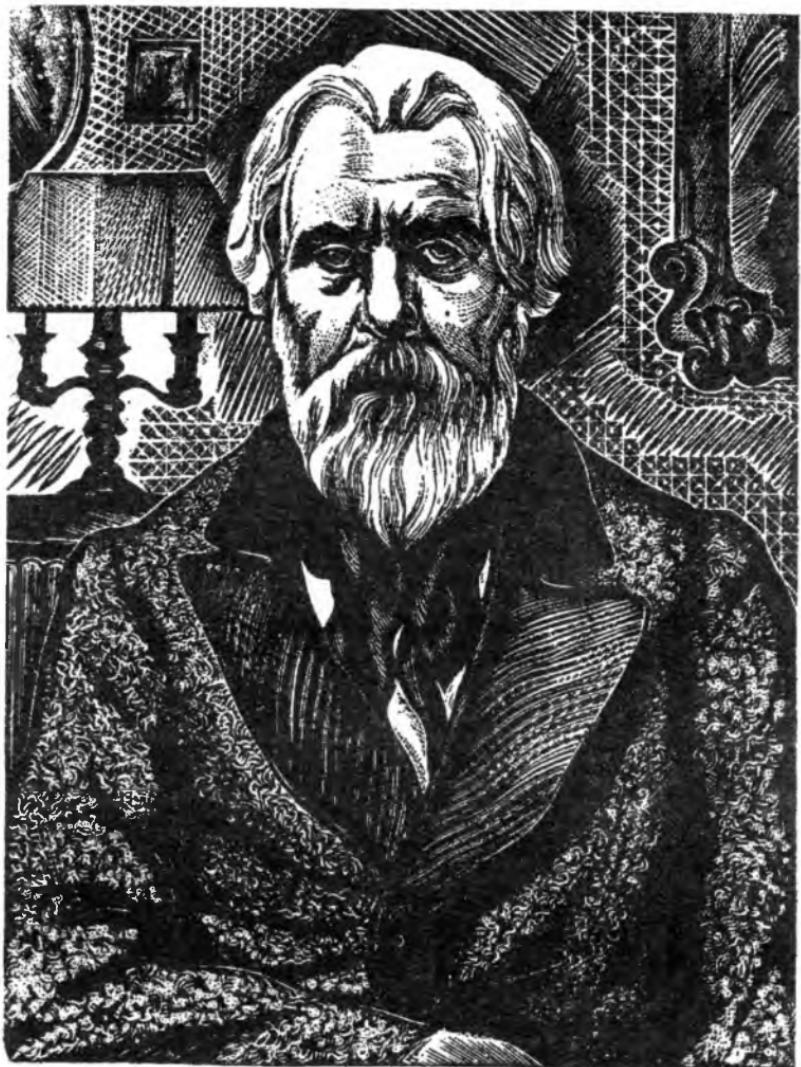
Графика

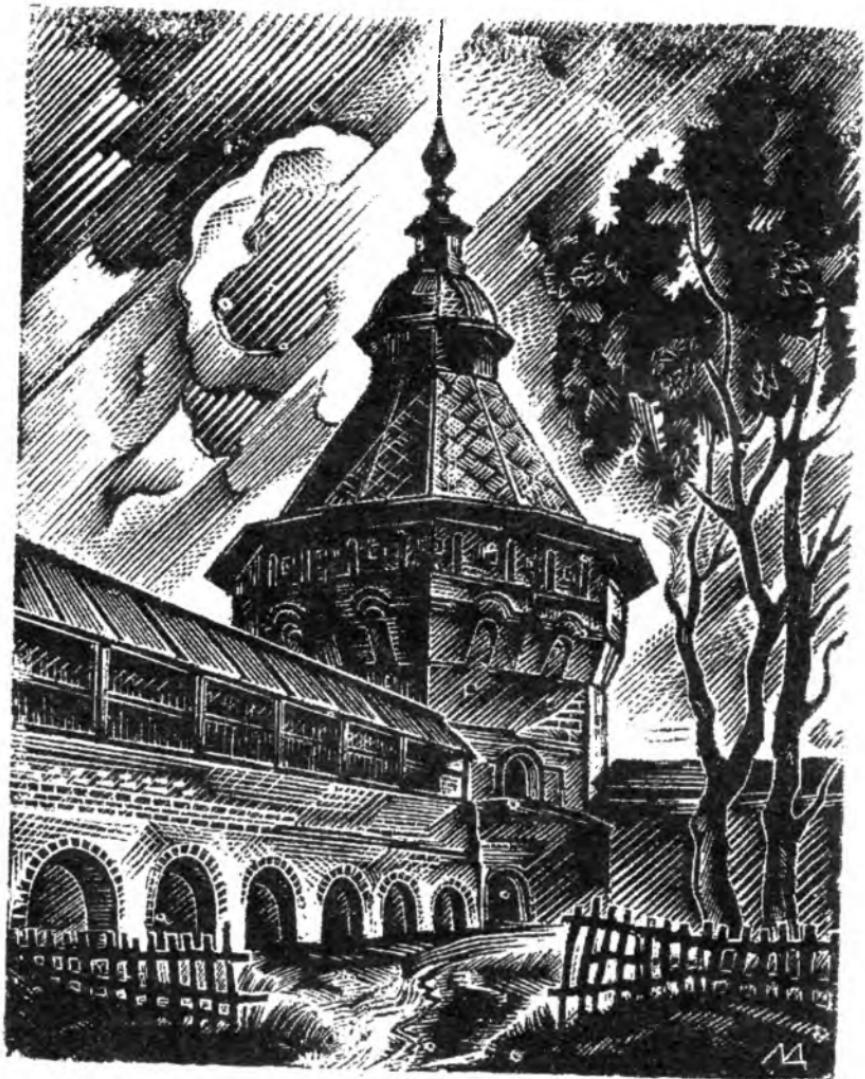
Дмитрий МЕДВЕДЕВ

Известный череповецкий график Дмитрий Медведев давно работает в жанре гравюры. Показываем сегодня его работы.

*Издатели благодарят москвичку Н. В. Переслегину за помощь
в издании журнала, за поддержку*

АФТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

Обществ. совет: В. С. Белков, Ю. П. Малоземов, Ю. М. Максин, А. А. Пошехонов,
Н. Т. Бушенев, В. В. Попова, А. Ю. Петухов, Н. Б. Шилова.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

Сдано в набор 16.07.2001. Подп. в печать 06.08.2001.

Заказ №401

Вологда

2001